

«Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна...»: по материалам сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)»

*Кеемя Владимировна Орлова*¹

¹ Институт востоковедения РАН
(д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, кандидат филологических наук, ведущий
научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Орлова К. В., 2020

Аннотация. В статье рассмотрена антирелигиозная политика монгольской партии и правительства в 20–30-е гг. XX в. В начале 1920-х гг. отношение к религии и духовенству со стороны партийного и государственного руководства страны было лояльным, но начиная с 1926 г., с принятием Закона об отделении религии от государства, начался период постепенного его ужесточения. Наступление на монастыри проявилось в лишении их экономической самостоятельности, обложении налогами, насильственном переводе лам в светское состояние, развернувшейся кампании «поголовной конфискации имущества лам и монастырей». Вполне естественно, что мероприятия партии и правительства вызывали протест со стороны духовенства и церкви, которые выливались в восстания и мятежи. В этой связи несомненный интерес представляет запись беседы члена президиума ЦИК СССР С. Е. Чуцкаева и заведующего орготделом ЦК МНРП Д. Лувсаншарава, бывшего ламы. Работа основана, главным образом, на архивных материалах о буддийском духовенстве и церкви, представленных в сборнике «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)». Из 163 документов, вошедших в сборник, ламству и религии Монголии посвящены 35, в них представлен широкий круг вопросов.

Ключевые слова: Монголия, буддийское духовенство, документы, архив ФСБ России, антирелигиозная политика, монастыри, Монгольская народно-революционная партия

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Орлова К. В. «Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна...»: по материалам сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)» // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 74–85. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-74-85

UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-74-85

«The Antireligious Policy in Mongolia is Needed and is Possible...» (based on materials from the collection of documents «Mongolia in documents from the archives of the Federal Security Service of Russia (1922–1936)»)

*Keemya V. Orlova*¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS
(12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

© KalmSC RAS, 2020

© Orlova K. V., 2020

Abstract. The article analyzes the antireligious policy of the Mongolian Party and government in 1920s–1930s of the XX century. At the beginning of the 1920s the party and state authorities' attitude towards religion and clergy was loyal, but from the beginning of 1926 with the adoption of the law about separation of religion from the state, the time of its gradual tightening up began. The attacks on the monasteries manifested in deprivation of their economic independence, taxation, forced conversion of the lamas to laymen, open campaign for “total confiscation of possessions of lamas and monasteries”. These actions of the party and the government obviously aroused protests from the clergy and church that lead to uprising and rebellions. In relation to this the recording of the conversation of the USSR Central Executive Committee presidium member S. E. Chutskaev with the head of the organizational department of the Central Committee of Mongolian People's Revolutionary Party D. Luvsansharav, former lama, is of great interest. The study is based on the archive materials about Buddhist clergy and church that are presented in the collection of documents “Mongolia in documents from the archives of the Federal Security Service of Russia (1922–1936)”. Out of 163 documents, included into the book, 35 documents are about lamas and the clergy, they introduce a wide range of problems.

Keywords: Mongolia, Buddhist clergy, documents, archive of the Federal Security Service of Russia, antireligious policy, monasteries, Mongolian People's Revolutionary Party

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Orlova K. V., “The Antireligious Policy in Mongolia is Needed and is Possible...” (based on materials from the collection of documents “Mongolia in documents from the archives of the Federal Security Service of Russia (1922–1936)”). In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 74–85. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-74-85

В качестве заголовка статьи взята цитата из «Записки представителя ИККИ* С. Е. Чуцкаева о взглядах монгольского партийного деятеля Д. Лувсаншарава по ламскому вопросу» (далее — «Записка») [Монголия в документах 2019: 270–275]. Она принадлежит С. Е. Чуцкаеву, который имел встречу с Д. Лувсаншаравом, бывшим ламой, во время своего пребывания в Монголии (с января по май 1930 г.).

В опубликованном в 2019 г. сборнике «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)» представлен широкий круг архивных материалов, относящихся к разным аспектам и фактам монгольской истории 20–30-х гг. XX в., в том числе о положении буддийской церкви и духовенства (35 архивных источников из 163) в Монголии в указанный период. В них аккумулировалась общая информация по «ламскому» вопросу (№ 61, 62, 67, 113, 115), основное внимание уделялось: состоянию и настроениям лам, их восприятию и отношению к репрессивной политике партийных и государственных органов (№ 102, 104, 112, 123, 124, 125), борьбе с ламаизмом (№ 56, 115); переводам лам в светское состояние (№ 109), красношапочникам Монголии (№ 77, прил. 2); движению лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна VIII и их арестам в связи с этим движением, деятельности Агвана Доржиева за признание нового перерождения Богдо-гэгэна (№ 80, 82, 86, 95, 100, 103) и отправки при его содействии монгольских лам в Тибет (№ 85); попыткам создания ламской либерально-клерикальной партии (№ 93); некоторым значимым буддийским священнослужителям и отдельно священнослужителям главного монастыря Монголии Гандантэгчинлина (№ 68, 98, 102, 103, 112, 113, 116, 117, 119) и др. Часть документов посвящена ламским мятежам и восстаниям (№ 83, 110, 120, 126).

Остановимся на рассмотрении некоторых документов. Неслучайно значительный пласт документов посвящен настроениям ламства. Если в начале 1920-х гг. отношение к нему со стороны руководства страны и

* ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.

партии было терпимым, то после принятия Закона об отделении религии от государства в 1926 г. начался период постепенного его ужесточения. Однако даже с принятием данного закона позиция монгольского руководства к религии и духовенству еще некоторое время оставалась мягкой и лояльной, поскольку «население Монголии религиозно» [Монголия в документах 2019: 272], в том числе религиозны были и представители партии. В «Краткой сводке по Монголии по материалам за апрель — сентябрь 1927 г.» отдельная рубрика названа «Ламство», в ней среди главных положений следует выделить апелляцию высшего буддийского руководства к правительству о бедственном положении монастырей, необходимости иметь главу буддийской церкви Монголии — Богдо-гэгэна*, расходовании средств на нужды** «авантюрных» действий ламства, как то: «получение высшего сана за определенную плату... агитации молодых лам за соби́рание средств для посылки делегации к Панчен-Богдо с целью приглашения его в МНР... деятельности хубилганов, выражающейся в их усиленных разъездах по Монголии, сеянии различных слухов» [Монголия в документах 2019: 136–137].

После VII съезда Монгольской народной революционной партии (далее — МНРП) (октябрь — декабрь 1928 г.) борьба с ламством стала определяющей в деятельности партии и правительства. Предписывалось препятствовать консолидации лам, «вовлекать низы в борьбу против верхов, соблюдать принцип отделения церкви от государства» [Роцин 1999: 223; Монголия в документах 2019: 250, 251]. Согласно стенограмме совещания в Восточном секретариате ИККИ по монгольскому вопросу (7 января 1929 г.), ламство «составляло 12 % населения, а удельный вес его богатств 16,5–17 %, т. е. при сокращении ламства численно имеется процесс концентрации их капиталов» [Монголия в документах Коминтерна 2012, Ч. I: 426]. На этом же заседании выступил уполномоченный Коминтерна М. И. Амагаев, подробно изложивший направления партийной работы по разложению и ослаблению влияния ламства на широкие слои населения. В частности, духовенство рассматривалось

* В 1924 г. скончался Богдо-гэгэн VIII, несколько дней о его кончине не объявляли народу, опасаясь волнений. По решению V Великого народного хурала МНР (1928–1929 гг.) активные поиски его нового перерождения были прекращены.

** По данным за 1928 г., монастыри Улан-Батора испытывали недостаток средств по содержанию жертвенных принадлежностей: «вместо горевших ранее двух вечных дзоло (лампадок) установлена одна. По священным обычаям гашение вечной лампы считается большим святотатством, но неумолимый закон экономики вынуждает современных служителей вступить на путь нарушения святых традиций. Расходы по другим храмам также уменьшаются, например, из 1000 т[угриков] до 500, из 200 т[угриков] до 100 и т. д.» [Монголия в документах 2019: 142].

не «как единая социальная категория, а как целый комплекс, где имеют место три основные группы: верхушечное ламство, или та группа, которая занимает верхушечные посты буддийской иерархии, это высшие духовные владетели; среднее ламство, состоящее, главным образом, из ученых лам, и, наконец, низшее ламство, находящееся в подчинении не только в духовном, но и административном, и экономическом верхушечному ламству» [Монголия в документах Коминтерна 2012, Ч. I: 402]. Поэтому прежде всего необходимо переманить и «добиться активного сочувствия... беднейших слоев ламства, составляющих большинство», а также выработать «радикальную программу», на основе которой не только вести борьбу «с верхушечной контрреволюционной частью буддийской церкви», но и вовлекать в свою орбиту и население страны [Монголия в документах Коминтерна 2012, Ч. I: 402]. В правительстве и партийных кругах прекрасно понимали, что высшие ламы работают со своей паствой, оповещая их о борьбе, которая ведется собственно с религией, и о том, что эта борьба «направлена своим острием в ламское сердце» [Монголия в документах 2019: 200].

В сентябре 1929 г. началась широкая кампания «поголовной конфискации имущества лам и монастырей». Так, например, в Манджушри хийде представители власти с четырьмя цириками* реквизируют все имущество Манджушри хутухты, оставив ему «только зимнюю одежду» [Монголия в документах 2019: 205, 219, 226]. По сообщению заведующего орготделом ЦК МНРП Д. Лувсаншарава, он лично принимал участие в изъятии «вплоть до чулок» имущества двух хутухт (не указаны их имена) [Монголия в документах 2019: 279]. Среди лам монастыря Гандантэгчинлина циркулировали разговоры о том, что за конфискацией имущества высших лам последует изъятие «монастырских ценностей и уничтожение религии». Дэд-хамбо** монастыря Гандантэгчинлин прямо указывал: после лам высокого ранга экспроприации подвергнутся середняки и «...ламы будут влачить жалкое существование», инициатива экспроприации принадлежит коммунистам, то есть «все, что делается в данное время в Монголии проводится по указаниям коммунистической России, которая через находящегося „представителя Коминтерна“ (уполномоченный Коминтерна М. И. Амагаев. — К. О.) проводит свои директивы». Однако были и те, кто приветствовал и одобрял эту кампанию, как, например, «прогрессивная ламская молодежь Гандана (...свыше 2000 человек)» [Монголия в документах 2019: 205, 206, 226].

Согласно постановлению правительства, было введено обязательное обучение монгольской грамоте послушников вне монастырей представителями партии, которые должны были «стараться вдолбить в головы

* Црик (монг. *цэрэг*) — воин, солдат, боец.

** Дэд-хамбо — заместитель настоятеля монастыря.

хуvaraков идеи невыгодности посвящения в духовное звание», монастырский скот изымался и передавался бедным, монастыри облагались непосильными налогами, лам обязывали к военной службе [Монголия в документах 2019: 207, 227, 231, 236]. Особое внимание уделялось работе по расслоению ламства. Для этого, в частности, в отношении лам Улан-Батора (далее распространено на остальные монастыри Монголии), решением 2-го пленума ЦК партии (лето 1929 г.) были проведены конкретные мероприятия: предоставлена возможность низшим ламам с 18 лет избирать и быть избранными для управления духовными делами монастырей, где они были приписаны; запрещено использовать звания, титулы и прочие отличия высших лам, их уравнивали с остальным духовенством в получении «паев при раздаче приношений и подаче пищи во время богослужений»; отменены телесные наказания и «разорительные приношения при производстве в ученые звания» [Монголия в документах 2019: 245]. Все эти правительственные и партийные действия вызывали возмущение и протест со стороны высшего ламства, распространялись антиправительственные листовки, что в конечном счете приводило к восстаниям и мятежам. Так, в листовке, вывешенной на дверях Улангомского монастыря, говорилось: «аратская власть есть власть проклятых судьбой, стремящаяся опозорить людей, одаренных судьбой, и разрушить устои религии», в листовке из монастыря Хан-Тайширского аймака «приводится неприкрытый призыв к свержению аратской власти» [Монголия в документах 2019: 244] и др.

В 1930 г. состоялся VIII съезд МНРП, на котором, наряду с политическими, экономическими и другими проблемами рассматривались и вопросы в отношении буддийского духовенства*, в результате была продолжена политика на расслоение ламства, привлечения его на свою сторону, конфискации собственности высших лам. Тогда же началась джасская кампания (передача монастырского скота на выпас аратам). Видимо, не случайной оказалась встреча представителя ИККИ С. Е. Чуцкаева** с заведующим орготделом ЦК МНРП Д. Лувсаншаравом. С. Е. Чуцкаев возглавлял комиссию народного комиссариата рабоче-крестьянской ин-

* Ганданский дэд-хамбо считал, что после VIII съезда продолжится «нажим на ламство», другой ганданский лама выразился более резко и прозорливо: «Амагаев заложил фундамент для ликвидации ламства, а другой, который будет назначен, ... форсированным темпом будет проводить эту ликвидацию в жизнь» [Монголия в документах 2019: 239]. С декабря 1929 г. новым представителем ИККИ был назначен В. Н. Кучумов, «который затмил Амагаева своей решительностью и „революционностью“» [Рошин 1999: 231].

** В документе С. Е. Чуцкаев (1876–1944/46) указан как представитель ИККИ, вероятно, в этом качестве он принимал участие в VIII съезде МНРП от Коминтерна. В этот период он был председателем бюджетной комиссии ЦИК СССР (в 1929–1933 гг. и в 1935 г.), членом президиума ЦИК.

спекции (в состав комиссии входили начальник управления заграничных операций Наркомторга СССР И. И. Шлейфер и инструктор ИККИ Г. Б. Скалов), которая находилась в Улан-Баторе с января по май 1930 г. для разработки перспективного народнохозяйственного плана, хотя полномочия комиссии были гораздо шире: изучить на месте экономические взаимоотношения стран, вопрос использования природных богатств, а также провести «негласную проверку работы полпредства и советских организаций в Монголии» [Рошин 1999: 233]. В зависимости от результатов расследования комиссии поручалось «переработать проект инструкции советникам и инструкторам СССР в МНР» [Протокол № 108...].

Разговор в форме вопросов (18) С. Е. Чуцкаева и ответов на них Д. Лувсаншарава состоялся 16 апреля 1930 г., а «Записка», в которой С. Е. Чуцкаев критикует высказывания заведующего орготделом ЦК МНРП по ламскому вопросу, — 21 мая 1930 г. [Монголия в документах 2019: 270–283]. Выбор Д. Лувсаншарава в качестве собеседника не случаен: по его (Д. Лувсаншарава) собственному утверждению, он около 20 лет провел в Мурэнском монастыре, то есть был сведущим в проблемах ламства [Монголия в документах 2019: 270, 275]. Произошедшие восстания в Чандманьульском (ныне — Увс) аймаке в 1925 г. и 1930 г. и зарождающиеся волнения лам в Хубсугульском, Архангайском и других аймаках Монголии, несомненно, актуализировали встречу с бывшим ламой.

Основное внимание на встрече С. Е. Чуцкаев уделит джасам, отношению низшего ламства к обогащению высших, возможным восстаниям аратов в связи с конфискациями джас и пр.

Как видно из «Записки», подготовленной С. Е. Чуцкаевым после разговора с Лувсаншаравом, у него возникли сомнения в компетентности бывшего ламы [Монголия в документах 2019: 270], а ныне заведующего орготделом ЦК МНРП: «...он (Д. Лувсаншарав. — К. О.) говорит словно о каком-то исключении, что в Мурэн-Хурэ в имущество джасы входит „даже“ (подчеркнуто мною. — К. О.) 1 000 кирпичей чая». Далее С. Е. Чуцкаев добавляет, что чай как «минимальнейшая функция всякой джасы» не является особенностью данного монастыря и используется для питья лам во время хуралов. Д. Лувсаншарав действительно упомянул о 1 000 кирпичях чая как одним из компонентов джасы в Мурэнском монастыре. Действительно, о чае как составной части джасы отмечал А. М. Позднеев во время своего путешествия по Монголии в 1876–1879 гг.: каждый шабинар, владевший 20 овцами, «ежегодно в пользу монастыря обязан отдать одну овцу»; владевший менее 20 овцами — «хлеб, чай (здесь и далее курсив мой. — К. О.), или наконец деньгами»; с 10 овец, или двух коров, — «от пяти до шести котлов проса, от

четырёх до пяти *кирпичей чая*, или же от двух до двух с половиною лан серебра; ...с пяти овец, или одной коровы, ...вносится три котла проса, два *кирпича чая*...». И эти налоги были обязательны и «одинаковы» для всех монгольских монастырей [Позднеев 1993: 5]. Однако С. Е. Чуцкаев «забыл» в своей «Записке» продолжить речь Д. Лувсаншарава, который сказал, что «во время недостатка чая Мурэн-хит (хийд. — К. О.) нажил большие деньги, пустив джасовский чай в продажу арадам по повышенным ценам», то есть монастырь, по его словам, попросту занимался «спекуляцией» [Монголия в документах 2019: 282]. А если принять во внимание, что дело происходило в 1930 г., когда широко развернулась антирелигиозная кампания (насильственная конфискация имущества монастырей, ограничение численности лам в монастырях, принудительный перевод их в светское состояние), то становится понятным, почему джасовский чай пускали на продажу по завышенным ценам — надо было элементарно выживать и «изыскивать средства для содержания монастырей» [Монголия в документах 2019: 136, 271]. Можно предположить, что Д. Лувсаншарав располагал достоверными данными, поскольку он провел в Мурэнском монастыре около 20 лет, а брат его в том же монастыре был «высшим ламой» (либо занимал один из высших постов в монастыре, либо по уровню образования. — К. О.) [Монголия в документах 2019: 277]. И упрек С. Е. Чуцкаева, сделанный Д. Лувсаншараву в незнании «такой мелочи, но показательной», по крайней мере, несостоятелен [Монголия в документах 2019: 274]. В Монголии в качестве «денежной единицы имелось много ее эквивалентов», одним из них, помимо овцы, являлся чай*: «кирпич зеленого чая „дзузан“ имел то преимущество перед овцой, что был всегда более или менее одинаков и, не требуя никакого ухода, мог сохраняться продолжительное время» [Майский 1959: 157].

Следующий вопрос С. Е. Чуцкаева касался джасы по назначению и по содержанию имущества. Очень короткий ответ бывшего ламы: «Назначение джас в сущности идет на пользу лам[ам]. Основной смысл джас — это содержание имеющихся в монастыре школ — их (джас. — К. О.) пять. 1) Сокчин-джаса, она предназначена для содержания школы молодых лам, где они обучаются грамоте и первоначальным знаниям. 2) Цанид-джаса — предназначена на содержание школы по первоначальной философии. 3) Жуд-джаса — [на] содержание школы высшей философии. 4) Манба-джаса — для содержания медицинской школы. 5) Дзурхай-джаса — [на] содержание астрологической школы» [Монголия в документах 2019: 280–281].

* По сведениям академика Б. Ширендыба, в 1900 г. 838 (кирпичей) чая приравнивались по стоимости одному барану [Ширендыб 1963: 51].

С. Е. Чучкаев считает, что сведения Д. Лувсаншарав «о монастырских школах и их джасах более чем не точны». Так, «он (Д. Лувсаншарав. — К. О.) определяет сокчин как школу для ламской молодежи, и на вопрос, есть ли общий дацан кроме тех, в которых помещаются школы, отвечает: „Нет, общим дацаном является обычно тот, где находится сокчин“». И так выходит, что общего дацана, собственно говоря, нет, а что он просто пользуется помещением „школы молодежи“. На самом деле слово сокчин означает „большое собрание“, это есть именно соборный храм для всего монастыря, в этом его неотъемлемая функция (кстати сказать, из того, что он соборный храм, еще не вытекает, что его джаса может быть названа общемонастырской джасой), а то, что сокчин наблюдает за обучением грамоте (вернее, правильному чтению вслух) молодых лам, ... является его побочной функцией. Далее будто бы имеется цанид-джаса, предназначенная для изучения „низшей философии“. Это неверно, так как в Гандане имеются целых три цанид-дацана, каждый из которых представляет собою законченную философскую школу со своей особой джасой, далее, цанид не есть „низшая“ философия, а есть практическая мистика. Джуд-дацан вообще не школа, а только храм» [Монголия в документах 2019: 271].

Необходимо отметить, что неточности присутствуют и в ответах бывшего ламы, и в их критике советским деятелем. Джаса — монастырское хозяйство, принадлежавшее общине лам и управлявшееся нирбами*, состояло из джасы дацана и джасы лам и хуvaraков. Хозяйства могли быть большими, маленькими, средними, куда входили земельные угодья, скот, финансы и прочее движимое и недвижимое имущество. Джаса лам и хуvaraков распределялась среди духовенства из доходов дацана [Ламаизм в Бурятии 1983: 65]. В отношении сокчина (цогчена) Д. Лувсаншарав резонно определяет его как храм, в котором собираются все ламы на «общее моление», в том числе в службах принимали участие и молодые ламы [Монголия в документах 2019: 282]. Так, А. М. Позднеев определяет сокчин так: «для соборных служений лам всех аймаков в монастырях устраивается особый храм, который носит название „цогчин“, т. е. соборного храма» [Позднеев 1993: 18]. По свидетельству Г. Ц. Цыбикова, вся монастырская община составляет цогчэн («большие собрания»), в которых ежегодно в течение 45 дней проводится чтение молитв, в исключительных случаях — службы по «особому заказу» [Цыбиков 1981. Т. 1: 154, 156]. По поводу цаннид-джасы, изучающей «низшую» философию, следует отметить, что в школах цаннид** изучали буддийскую философию; по А. М. Позднееву цаннид — высшее богословие, по Г. Ц. Цыбикову — богословие [Позднеев 1993: 18; Цыбиков 1981, Т. 1:

* Нирб (монг. *нярав*) — монастырский казначей, управитель, смотритель.

** Букв. пер. истинное свойство.

154, 156]. Кроме цаннид дацанов существуют дацаны, основная специальность которых — изучение тантр, один называется «„чжюд-мад“, т. е. нижний или основной Чжюд, другой — „чжюд-дод“, т. е. верхний Чжюд (верхний — добавочный, второй)» [Цыбиков 1981, Т. 1: 160]. Неясно, о каком именно джуд-дацане говорил Д. Лувсаншарав.

Нарекания С. Е. Чуцкаева на сообщаемые Д. Лувсаншаравом «неточные сведения», а в некоторых вопросах неточные в «значительной степени», упреки в малом его знакомстве с ламскими делами и бытом, в основном, не обоснованы. Да, неточности присутствуют в ответах Лувсаншаравы на вопросы, но могу предположить, что бывший лама не до конца был откровенен, а давал только ту информацию, которую считал нужным озвучить. Согласился Чуцкаев лишь с мнением Лувсаншаравы о сопротивлениях лам на конфискацию монастырского имущества. Уверенность председателя бюджетной комиссии ЦИК СССР, члена президиума ЦИК в собственной непогрешимости и правоте, а также категоричность в суждениях относительно члена президиума ЦК партии (а возможно, и в отношении к другим монгольским деятелям) как-то: «виляет, путается, противоречит себе и говорит чересчур явные нелепости» [Монголия в документах 2019: 272] по крайней мере обескураживает.

Возвращаясь к названию статьи «Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна...», отмечу, что политика партийных и государственных органов Монголии по отношению к буддийскому духовенству и церкви постепенно менялась: от лояльной к радикально жесткой, репрессивной. Руководство Советского Союза и Монголии прекрасно понимало, что «ламство представляло собой самую крупную силу» [Монголия в документах 2019: 379], все население страны глубоко религиозно, и скоропалительность и решительность их действий по отношению к религии и церкви пока не актуальна. В 1924 г. на заседании Великого народного хурала была принята Конституция страны, согласно которой объявлялась свобода вероисповедания, церковь отделялась от государства. С принятием в сентябре 1926 г. Закона об отделении дел религии от государства буддийская церковь была лишена права вмешиваться в государственные и гражданские дела, обязывалась «неукоснительно соблюдать государственные законы» [Ванчикова 2019: 67–77]. Именно с этого времени актуализируется ламский вопрос, ламство как крупный собственник* и внушительная сила адекватно противостояло государственной антирелигиозной политике. Последовали

* По свидетельству И. М. Майского, по переписи 1918 г. количество монастырей и храмов, принадлежавших четырем (Дзасагтуханскому, Тушетуханскому, Цэцэнханскому, Сайннёнханскому) аймакам Монголии составляло 2 645, численность монахов — 207 227, скота — 1 754 513 голов [Майский 1921, прил. 8: 50–53; прил. 4: 26–29].

экономические санкции, монастыри облагались непосильными налогами, монастырский скот изымался и передавался бедным аратам, лам фактически заставляли переходить в светское состояние и обязывали к военной службе. В активную фазу вступила джасская кампания, ламам оставляли скот и имущество не более 100 хувь*. Все эти мероприятия вызывали недовольство ламства, что в конечном счете приводило к восстаниям и мятежам. В 1925 г. произошли антиправительственные выступления в Улангомском монастыре (Увс аймак). В 1932 г. восстаниями были охвачены Хубсугульский, Архангайский, затем Убурхангайский и Завханский аймаки. Все они были жестко подавлены. Карательные меры предпринимались по отношению не только к простым ламам, но и крупнейшим буддийским деятелям, государственным и партийным лидерам Монголии, репрессии затронули практически все слои монгольского населения. С 1938 по 1944 г. в стране не осталось ни одного действующего монастыря, ламство перестало существовать [Ванчикова 2019: 103; История Монголии 2007: 103]. Антирелигиозная политика, к сожалению, оказалась действительно возможной.

Литература

Ванчикова 2019 — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с.

История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Ламаизм в Бурятии 1983 — Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. Структура и социальная роль культовой практики. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.

Майский 1921 — *Майский И. М.* Современная Монголия: отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительских обществ «Центросоюз». Иркутск: Гос. изд-во, Иркутск. отделение, 1921. 333 с.

Майский 1959 — *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М.: Вост. лит., 1959. 310 с.

Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. док. / науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

Монголия в документах Коминтерна 2012, Ч. I — Монголия в документах Коминтерна (1919–1934): в 2 ч. Ч. I (1919–1929) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.

Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. репр. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.

* Хувь — учетная счетная налоговая единица, доля, пай. Один хувь равнялся 30 тугрикам, когда речь шла о скоте, и 90 тугрикам — о недвижимом имуществе.

Орлова К. В. «Антирелигиозная политика в Монголии нужна и возможна...»: по материалам сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)»

Протокол № 108... — Протокол № 108 заседания ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. (п. 5. О Монголии) // Исторические материалы [электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/60451> (дата обращения 16.08.2020).

Роцин 1999 — *Роцин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

Цыбиков 1981. Т. I — *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды в 2-х томах. Т. I. Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука, 1981. 265 с.

Ширендыб 1963 — *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX веков: история социально-экономического развития. Улан-Батор: Ком. по делам печати, 1963. 518 с.